

ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Подберёзкин Ф.Д.

CIVITAS DEI SIVE CIVITAS DIABOLI: РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О ЛИВОНСКОЙ ДАНИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII ВЕКА)

В своей биографии епископа Риги Альберта исследовательница Гизела Гнегель-Вайтшиес отмечала, что наложенная епископом на неопитов Ливонии церковная десятина «не только предполагала уплату дани Полоцку, но и демонстрировала в то же время желание основать новое княжество» [10, с. 69–70]. Взгляд на рижского епископа как на «церковного князя», рассмотрение ливонской дани в «государственно-юридическом» ключе были характерны для последующей историографии христианизации Ливонии¹. Как кажется, политическая рецепция вопроса о дани ливонских племен рижскому епископу зачастую приводит к искусственным исследовательским построениям. Например, доступный нам из пересказа хрониста Генриха Латвийского договор 1210 г. между епископом Альбертом и полоцким князем зачастую трактуется как вассальный²; политическая трактовка не позволяет объяснить, почему представители Пскова и Новгорода собирали дань с отдельных районов Ливонии, принадлежащих Рижской церкви и независимых от Руси политически, вплоть до конца XIII в.³, почему в разгар борьбы за Юрьев в 1224 г. папа просил христиан Руси помогать ливонским миссионерам [13, р. 70–71]⁴. В целом, политическая трактовка сталкивается с трудностями в объяснении сложных даннических отношений с между Ригой, ливонскими неопитами, Полоцком, Новгородом и Псковом до конца XIII в.

Ниже мы попытаемся объяснить отношения дани между светской и духовной властью в Ливонии эпохи христианизации исходя из богословских особенностей источников ливонской стороны (прежде всего «Хроники» Генриха Латвийского и переписки папы с рижским епископом)⁵. Для этого мы дадим общую характеристику модели «двух градов» блаж. Августина, активно используемой латинской Церковью в XII–XIII веках, обратившись затем к конкретным проявлениям этой модели в Ливонии.

Civitas Dei et civitas diaboli. К началу христианизации Ливонии в католическом богословии прочно утвердилась экклесиология блаж. Августина. Согласно ей, человечество разделяется на два объединения – «град Божий» (*civitas Dei*) и «град диавольский» (*civitas diaboli*). В *civitas Dei* живут все праведные – как наследники ветхого завета, так и язычники-неопиты нового завета. Под *civitas diaboli* (либо *civitas terrena* – «град земной») долгое время имелась ввиду мирская власть римских императоров-язычников (которым платилась дань и оказывалось гражданское повиновение). Во времена Римской империи средневековья, императоры-христиане представляли земную власть (*civitas terrena*)⁶. В отношении *civitas Dei* применялись новозаветные аллегории Тела Христова⁷, плодоносящей и нежной матери¹ и т.п. После легализации своего поло-

¹ Например, для Е.Л. Назаровой [3, 4]. Понятие «государственно-правового» понимания дани епископу приводит в обобщающей монографии по русско-ливонским отношениям Анти Селарт – не полемизируя с ним [15, с. 85].

² В пересказе Генриха о вассальной присяге Альберта ничего не сказано. Однако Вера Матузова и Евгения Назарова считают, что «беря на себя выплату ливонской дани, епископ Альберт формально признавал себя вассалом полоцкого князя и германского императора. Вполне вероятно, что существовал текст договора, которым пользовался хронист при работе над своим сочинением» [2, с. 163]. Приписывая епископу Альберту двойной вассалитет, исследовательницы не берут в расчет выводов немецкого историка Манфреда Хельманна, убедительно доказавшего декларативный характер ленного статуса Ливонии по отношению к империи в данный период [12].

³ Яркий пример – область Толова, дань с которой русские собирали вплоть до конца XIII в. Это обстоятельство позволило историкам возводить истоки знаменитой «юрьевской дани» к дани жителей Толовы Пскову [8].

⁴ В своём письме папа сравнивает христиан (в том числе русских) с Израилем, а язычников (очевидно, литовцев) с Амаликитянами. Таким образом, применяется библейский образ Аарона и Ора, поддерживавших руки молящегося Моисея во время битвы израильтян с амаликитянами (Исход 17:12).

⁵ Подобную работу в отношении христианизации Мекленбурга и главного источника по проблеме – хронике Хельмольда из Босау – проводил российский исследователь Дмитрий Егоров [1]. На эту работу автору любезно указал российский специалист по германике летописных текстов И.Н. Данилевский. Общие представления о богословских конструктах ливонских пилигримов первой четверти XIII в. изложены в моей статье [5].

⁶ Подробнее о средневековой экклесиологии и «общине верных» [9, с. 223–226, 303–311].

⁷ 1 Кор., 12:15–27 (ст. 27: «и вы – Тело Христово, а порознь – члены»).

жения Римская церковь постепенно разрабатывает богословие церковных пожертвований и десятин, которое на теоретическом уровне позволяло *civitas Dei* и *civitas terrena* бесконфликтно сожительствовавшие на земле согласно принципу «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лк. 20:25). Наряду с воспринятой еще у апостолов идеей подчинения светской власти (Рим. 13:1–3), в оправдание церковных даров приводили следующий отрывок из послания ап. Павла римской церкви: «Ибо Македония и Ахавия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Ибо если язычники сделались участниками в их [иудеев, прообраза Церкви Нового Завета – Ф.П.] духовном, то должны и им послужить в телесном» (Рим. 15:27).

Таким образом, на основании павлического и августиновского богословия материальное обеспечение Церкви неопитами приобретало духовную значимость [14], имело другое измерение нежели подчинение и дань светской власти и потому не противоречило ему.

Civitas Dei в Ливонии. На основании библейских аллегорий, употребляемых в «Хронике» Генриха Латвийского, а также переписке папы с епископом Рижским можно определить Церковь в Ливонии как «*civitas Dei*» в евангельском смысле: это плодоносящая «мать» [11, s. 201–202], «свет сидящим во тьме» [13]², призванные к «единому телу и единой душе» [Ibidem, p. 41]³, возглавлены «избранным от Господа для проповеди язычникам» епископом Рижским [Ibidem, p. 51]⁴, заботящиеся о нищих [13, p. 52].

Кесарево – кесарю. Можно предположить, что эффективная модель сосуществования данных отношений между Церковью и светской властью в средневековой Европе могла быть перенесена в Ливонию. Как отметил Б.Н. Флоря, отношения Руси и латинского мира в первой четверти XIII в. еще не носили характер конфессионального противостояния [7, с. 129]; чаще наоборот – «Хроника» Генриха свидетельствует о сотрудничестве латинян и православных в деле крещения язычников и о восприятии русских как «сохристиан»⁵. Следовательно, к ливонским неопитам могла применяться формула «*civitas Dei*», а к их светским владыкам – полоцкому князю, Пскову и Новгороду – «*civitas diaboli*» или «*civitas terrena*». Согласно такому пониманию, новообращенные могли одновременно платить дань своим духовным и светским владыкам – точно так же, как десятина и феодальная рента платились в других странах латинского мира. Это позволяет объяснить, почему изгнанный из Пскова в 1212 г. [6, с. 77] князь Владимир Мстиславич получил от епископа Альберта право на сбор дани [11, s. 115], а псковичи и новгородцы вплоть до конца XIII в. собирали дань с отдельных районов Ливонии, относящихся к администрации ливонских епископов. Соответственно, известный договор 1210 г. о распределении ливской дани между Полоцком и Ригой следует рассматривать не как вассальную присягу рижского епископа (о ней хронист Генрих прямо ничего не сообщает), а как попытку упорядочить дань для светского и духовного правителя одновременно. В то же самое время упомянутая выше характеристика «*civitas Dei*» как «матери кормящей» употребляется в отношении русской Церкви в отрицательном смысле, отмечая разочарование хрониста Генриха в деле совместной христианизации ливонских народов в конце первой четверти XIII в.: «*una mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur*» [11, s. 202].

Выводы. Модель «двух градов» относительно раннего этапа христианизации Ливонии может рассматриваться как герменевтический ключ к тексту «Хроники» Генриха Латвийского по вопросу ливонской дани – на это указывают прямые коннотации «*civitas Dei*» в источнике («мать», «свет», апостольское избрание и т.п.). События, относящиеся к спору о ливонской дани между русскими и Рижской церковью в первой четверти XIII в. позволяют сказать, что характеристики «*civitas Dei*» были не просто «жаргоном» хрониста, но находили реальное применение на практике христианизации – попытках епископа Альберта упорядочить сбор дани с ливов между светской и духовной властью, сотрудничестве с русскими князьями в деле крещения. Однако в последующем данная модель оказалась неудачной: об этом свидетельствует как

¹ 1 Фесс., 2:7: «подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими»). Аллегорично матери активно использовал в своих поведях Григорий Великий (Ibidem, s. 307).

² Ср., например, Мф. 4:16 с «*lucem magnam sergere*» у папы.

³ Ср. «*cor unum at anima una*» с Рим. 15:5–6 и Еф. 4:13.

⁴ «*electus a Domino an gentibus praedicator*». Здесь прямая отсылка к ап. Павлу (ср. Рим. 1:1, 11:13).

⁵ «*Bis zum Frühjahr 1216 bestand vielmehr eine deutsch-russische Allianz*» (см. примечание 2 в [11, s. 74]. Крещение русских приравнивается к апостольской бане возрождения («*ad sacre regenerationis lavacrum consummandum*» – [Ibidem]). Русские называются «сохристианами» («*conchristiani*», [Ibidem, s. 71]).

отказ ливов служить «двум господам» и отказ полоцкого князя от ливской дани, так и прекращение выплат эстов и латгалов Новгороду и Пскову в конце XIII в. Вопрос о причине окончания русско-ливонского сотрудничества по вопросу о дани – конфессиональный конфликт 30–40-х гг. XIII в. или переход на исключительно политическое и торговое взаимодействие после 1270 г. – лежит за пределами настоящего исследования.

1. Егоров, Д.Н. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I. Материал и метод; Т. II. Процесс колонизации / Д.Н. Егоров. – М.: А.Левенсон, 1915. – 567 с.; 614 с.
2. Матузова, В.И. Крестоносцы и Русь. Конец XIII в. – 1270 г. Тексты, переводы, комментарии / В.И. Матузова, Е.Л. Назарова. – М.: Индрик, 2002. – 450 с.
3. Назарова, Е.Л. Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом / Е.Л. Назарова // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства / VIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 1996. – С. 107–110.
4. Назарова, Е.Л. Регион Западной Двины в эпоху смены политического влияния. Конец XII в. / Е.Л. Назарова // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. – М., 1995. – С. 71–82.
5. Подберёзкин, Ф.Д. Братья-ефремяне: Русь начала XIII в. глазами ливонских пилигримов / Ф.Д. Подберёзкин // Colloquia Russica. – 2016. – Сер. 1, Т. 6. – Краков. – С. 131–136.
6. Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А.Н. Насонова. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 370 с.
7. Флоря, Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век / Б. Н. Флоря. – СПб.: Алетей, 2004. – 250 с.
8. Юрьенс, И.И. Вопрос о ливонской дани / И.И. Юрьенс // Варшавские университетские известия. – 1913. – вып. VI. – С. 1–8; Вып. VII. – С. 9–16; Вып. VIII. – С. 17–32; Вып. IX. – С. 33–57.
9. Angenendt, A. Geschichte der Religiosität im Mittelalter / A. Angenendt. – Darmstadt: Primus, 2009. – 986 s.
10. Gnegel-Waitschies, G. Bischof Albert von Riga. Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199–1229) / G. Gnegel-Waitschies. – Hamburg: Velmede, 1958. – 187 s.
11. Heinrichs Livländische Chronik / Hrsg. von L. Arbusow und Albert Bauer. – Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1955. – 320 s.
12. Hellmann, M. Livland und das Reich. Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen / M. Hellmann. – München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1989. – 35 s.
13. Liv-, est-, und curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von von Dr. F.G. von Bunge. – Bd.1. – Reval: in Comission bei Kluge und Ströhm, 1853. – 687 s.
14. Popkes, W. «Gemeinschaft» / W. Popkes // Reallexicon für Antike und Christentum. – 1978. – Bd. 9, 1100–1145
15. Selart, A. Livland und die Rus` im 13. Jahrhundert / A. Selart. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2007. – 373 s.

Зимницкий А.А.

«ЛИТВА ЖЕ И ДТВЪЗЪ ВОЕВАХОУИ»:

ЛИТВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ГАЛИЦКОЙ ЛЕТОПИСИ

Русь XIII века. Череда военных столкновений, политических интриг, заключаемых и расторгаемых союзов. А кроме того: расцвет городов, материальной культуры и всепроникающих династических связей. Апокалиптическое нашествие татар и «выход из лесов литвы» – становление последней «языческой империи» [12; 16] – ничто из перечисленного не могло пройти мимо взгляда летописца.

Галицко-Волынская летопись (сокращённо ГВЛ), в этом отношении является бездонным источником политической и военной истории Восточной Европы. Часть этих сведений, кроме того, носит биографический характер, описывая периоды правления таких литовских князей, как Миндовг, Войшелк, Тренята и Тройден [17, с. 486], другие же касаются только отдельных упоминаний о литовских набегах. Уникальность и ценность этой информации, в значительной степени обусловлена спецификой самого памятника, и тем литературным своеобразием, которым он обладает. Данные вопросы затрагивались целой плеядой исследователей [3; 7; 9; 10; 18]. Вопрос структуры ГВЛ и границы разделения на Галицкую летопись (далее – ГЛ) и Волынскую в наиболее приемлемом и подытоживающем варианте, обоснованным с лингвистической точки зрения, выдвинула И.С. Юрьева, ограничив Галицкую часть летописи 1201–1260 гг. (соответственно статьи 6709–6768¹) [19, с.66]. Такие же рамки очертил в своё время и А.В.Ужанков, убедительно обосновав кроме того границу двух редакций внутри ГЛ (первая редакция – статьи 6709–6758, вторая – 6759–6768) [15, с. 324]. Данное разделение нашло своё отражение и в отображении литвы на страницах летописи.

В первой редакции упоминания единичны и отрывочны (за исключением договора 1219 г. [6, с. 736–737]), а во второй (вероятно исходя из современности автору происходящих событий) –

¹ Утратившие свою хронологическую ценность [8, с.73], даты «от сотворения мира» использованы нами в качестве текстологических маркеров.